

**Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»**

Кафедра уголовного права

Смирнова Вероника Сергеевна

«Понятие и признаки хищения: проблемы теории и практики»

Курсовая работа

обучающегося 5 группы 3 курса

Института публичного права и управления
очной формы обучения (бакалавриат)

Научный руководитель:

доцент кафедры уголовного права, к.ю.н. Князьков А. А.

Дата сдачи: _____

Дата рецензирования: _____

Дата защиты: _____

Оценка: _____

Москва

2024 г.

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Уголовно-правовая характеристика хищения как вида преступления	5
§1. Становление российского законодательства об ответственности за хищение.....	5
§2. Анализ объективных признаков хищения.....	10
§3. Анализ субъективных признаков хищения	18
Глава 2. Дискуссионные вопросы квалификации хищения в доктрине уголовного права и судебной практике	23
§1. Формы и виды хищения: уголовно-правовой анализ.....	23
§2. Проблемы определения предмета хищения в судебной практике и иные спорные вопросы правоприменения	32
Заключение	38
Список литературы	40

Введение

В соответствии с ч. 2 ст. 8 Конституции РФ¹ в Российской Федерации равным образом признаются и защищаются различные формы собственности. Одним из способов упомянутой защиты является уголовно-правовая охрана собственности, поскольку ч. 1 ст. 2 УК РФ² прямо закрепляет охрану собственности как одну из задач уголовного законодательства, а гл. 21 УК РФ очерчивает круг соответствующих составов преступлений. В свою очередь, среди преступлений против собственности выделяются хищения как наиболее часто совершаемые преступления: в соответствии с официальной статистикой Министерства внутренних дел РФ более половины всех зарегистрированных преступлений за 2023 год являются хищениями чужого имущества³, что, безусловно, *подтверждает актуальность исследований* в отношении указанных составов преступлений вследствие значительного объема правоприменительной практики и необходимости совершенствования механизма уголовно-правовой охраны собственности.

В доктрине и судебной практике остаются нерешенными некоторые вопросы, связанные с определением понятия хищения и его отдельных признаков. Помимо проблем, поднимавшихся среди исследователей довольно давно – например, особенности толкования признаков безвозмездности или наличия корыстной цели, – вместе с цифровизацией и дальнейшим развитием общества стали возникать новые ситуации, требующие законодательного регулирования: например, возможно ли признание предметом хищения криптовалюты. В итоге, возникающие дискуссии в данной области *предопределили выбор и раскрытие темы исследования.*

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями на 4 октября 2022 года) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.04.2024)

² Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.

³ Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь - декабрь 2023 года. // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/> (дата обращения: 08.04.2024)

При написании курсовой работы необходимо учитывать **степень разработанности темы среди теоретиков**, поэтому следует отметить наличие большого количества научных работ, рассматривающих как понятие, признаки, их связь с отдельными формами и видами хищения в совокупности, так и исследующих отдельные признаки или формы и виды по отдельности в зависимости от задачи, которую ставил перед собой автор исследования.

Однако, помимо научной литературы и теоретических исследований, необходимо учитывать **законодательное регулирование вопросов избранной темы и правоприменительную практику**.

Объектом исследования в данной работе выступают охранительные общественные отношения, урегулированные уголовным законом, в частности, отношения, связанные с хищением чужого имущества, а, соответственно, **предметом** – уголовно-правовые нормы, содержащиеся в УК РФ, а также правовые позиции Конституционного Суда РФ, Пленума Верховного Суда РФ и судебные решения по отдельным делам.

Целью данного исследования является уголовно-правовой анализ понятия и признаков хищения, что предопределило постановку следующих исследовательских **задач**:

- 1) проследить эволюцию уголовной ответственности за хищение в отечественном уголовном праве;
- 2) провести уголовно-правовой анализ объективных и субъективных признаков хищения;
- 3) рассмотреть дискуссионные вопросы в области квалификации отдельных форм и видов хищения;
- 4) проанализировать признаки и особенности предмета хищения, выработанные доктриной и правоприменительной практикой.

В соответствии со всем вышесказанным структура курсовой работы содержит введение, две главы, пять параграфов, заключение и список использованной литературы.

Глава 1. Уголовно-правовая характеристика хищения как вида преступления

§1. Становление российского законодательства об ответственности за хищение

Вопросы охраны тех или иных общественных отношений сопровождали общество на протяжении многих столетий своего существования, поэтому история российского уголовного права начинается ещё во времена Древнерусского государства. В частности, это утверждение касается и отношений по охране собственности, поскольку собственность – один из древнейших общественных институтов. И, поскольку хищение является наиболее распространенной разновидностью посягательства на чью-либо собственность, представляется разумным проследить исторический путь развития российского законодательства об ответственности за хищение.

Так, некоторые исследователи отмечают, что вопросы собственности затрагивались ещё в X в. в договорах с Византией. Например, в договоре Византии и князя Олега, заключенном в 911 г., в ст. 6 встречается упоминание насильственного завладения чужой собственностью, то есть грабежа и разбоя, и ответственности за данное преступное деяние⁴.

Затем в первой половине XI в. была принята Русская правда, которая ещё в первоначальной редакции закрепляла такие имущественные преступления, как разбой (по выражению В. Ф. Анисимова, «неотличаемый ещё от грабежа»⁵), кража, в тексте документа называемый «татьба», и самовольное пользование чужим имуществом, а также дифференцировала ответственность в зависимости от предмета хищения (кража коня, бобров или сена), объективной стороны (кража из закрытого помещения) и личности потерпевшего (кража княжеского имущества или имущества смерда). Чуть

⁴ Бизюков И. Л. Анализ развития уголовной ответственности за кражу в системе преступлений против собственности по отечественному уголовному праву // Вестник магистратуры. 2021. №7 (118). С. 40.

⁵ Анисимов В. Ф. История законодательства России о преступлениях против собственности с признаками хищения // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 4(15). С. 52.

позднее, в Пространной редакции Русской Правды появляются институты соучастия в краже и её укрывательства⁶.

Следующим этапом в развитии уголовного законодательства в части ответственности за хищение становится Новгородская судная грамота, составленная в середине XV в. Данный документ интересен тем, что впервые упоминает грабеж как отдельное преступление⁷. Хотя, например, по мнению С. А. Елисеева, первое упоминание грабежа встречается только в Судебнике 1550 г.⁸. Разница в подходах исследователей обусловлена языковыми особенностями законодательных документов того времени, а также толкованием текста самим исследователем, поэтому обе точки зрения представляются по-своему верными.

Говоря же о Судебниках XV-XVI вв., Судебник 1497 г. отказался от распространенной в более ранних законодательных актах подробной дифференциации кражи в зависимости от предмета хищения, хотя и классифицировал её по иным основаниям, а Судебник 1550 г. различал такие формы хищения, как кражу, грабеж, разбой и, стоит отметить, мошенничество. То есть в середине XVI в. появляется новая форма хищения, напрямую связанная с использованием обмана при совершении преступления, хотя сам документ и не содержал понятия мошенничества.

Уже в середине XVII в. появляется первый относительно систематизированный законодательный акт – Соборное уложение, посвятивший хищениям 21-ую главу в тексте документа, где упоминались не только «воры, но и разбойники»⁹, что говорит о законодательном преобладании имущественного характера посягательства разбоя над посягательством на личность.

⁶ Анисимов В. Ф. Указ. соч. С. 53.

⁷ Там же.

⁸ Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 1999. С. 11.

⁹ Фок С. В. Формирование уголовного законодательства о хищении в российском государстве в период X-XIX веков // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 8А. С. 376.

В XVIII в. принимается Артикул Воинский Петра I, содержащий нормы исключительно уголовного права. В первую очередь, это были нормы об ответственности за воинские преступления, однако и хищения там также упоминались в форме кражи, грабежа и даже растраты. И стоит отметить, что данный документ содержал смягчающие, а то и исключаяющие ответственность обстоятельства, в частности за кражу, как, например, «голодную нужду»¹⁰, то есть крайнюю необходимость.

Среди правовых актов XVIII в. также необходимо упомянуть императорский Указ 1781 г. «О суде и наказании за воровство разных родов», поскольку он, спустя два столетия после первого упоминания мошенничества, наконец пытается дать дефиницию данного преступного деяния. Документ понимает под мошенничеством как, собственно, хищение чужого имущества путем обмана, так и карманные кражи, а также «внезапное похищение имущества, осуществляемое с помощью ловкости и быстроты мошенника»¹¹, что, как представляется, смешивает мошенничество с кражей и ненасильственным грабежом и говорит о несовершенстве юридической техники того времени.

В целом, систематизация преступлений против собственности завершается ближе к середине XIX в. вместе с принятием Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., поскольку Уложение уже содержало в своей структуре общую и особенную части, определяло содержание понятий «преступление» и «проступок», перечисляло виды наказаний, смягчающие и отягчающие обстоятельства и устанавливало ответственность за, собственно, те или иные преступные деяния¹².

Определенные изменения принесло за собой и принятие Уголовного Уложения 1903 г. В отличие от своего предшественника, новое Уложение не выделяло группу преступлений против собственности, включая в них хищение, а обособляло семь глав, каждая из которых регулировала

¹⁰ Анисимов В. Ф. Указ. соч. С. 55.

¹¹ Фок С. В. Указ. соч. С. 377.

¹² Там же.

посягательство на имущество в той или иной форме. В части хищений интересно отметить, что составители акта не видели смысла в разделении краж и ненасильственных грабежей, в связи с чем вводился термин «воровство», обозначающий тайное или открытое похищение чужого имущества¹³. Однако, как показало время, эта идея не прижилась в доктрине и практике, поэтому разделение кражи и ненасильственного грабежа остается в законодательстве и в настоящий момент.

Переходя к рассмотрению российского законодательства советского периода, стоит обратиться к трем Уголовным кодексам РСФСР, принятым в 1922 г., 1926 г. и 1960 г. соответственно. Так, в УК РСФСР 1922 г.¹⁴ не даётся общего определения хищения, но упоминаются отдельные формы хищения, такие как кража, хищение из государственных и общественных складов, вагонов, судов и других хранилищ, грабеж, разбой, присвоение, растрата и мошенничество, то есть все известные современной доктрине и законодательству формы хищения. При этом составы преступлений против собственности никак не выделяются в группе имущественных преступлений в целом, а присвоение, растрата и мошенничество не содержат в своей законодательной дефиниции указания на хищение или похищение чужого имущества (поэтому, возможно, в рамках УК РСФСР 1922 г. их не совсем корректно признавать формами хищения).

УК РСФСР 1926 г.¹⁵ так же не содержит понятия хищения и упоминает такие формы как кражу и грабеж. В разбое же упоминается не хищение, а завладение чужим имуществом, присвоение, растрата и мошенничество имеют схожие с предыдущими составы.

¹³ Севрюков А. П. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика грабежей и разбоев, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, и их предупреждение: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. С. 15-16.

¹⁴ Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 года «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.

¹⁵ Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.

А вот УК РСФСР 1960 г.¹⁶ заслуживает уже более пристального внимания, потому как содержит понятие хищения, которое, правда, появилось только в 1994 г.¹⁷: *«совершенное с корыстной целью противоправное безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившее ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества»*. Современный уголовный закон полностью воспринял эту дефиницию и основные составы кражи, грабежа и разбоя после реформы 1994 г. До этого момента глава, посвященная преступлениям против собственности, носила название «Преступления против *личной* собственности *граждан*» и выражала в своих составах определенную специфику отношения законодателя к частной собственности и её охране. Присвоение и растрату УК РСФСР 1960 г. долгое время не упоминал, введя эти составы в той же редакции 1994 г., а мошенничество несколько изменило свою объективную сторону, поскольку в УК РСФСР употребляется термин «завладение», а в УК РФ – «хищение», хотя в остальном, в общем-то, состав остался тем же. Всё это позволяет сделать вывод о том, что советская законодательная практика в части урегулирования ответственности за хищение оказала очень большое влияние на современное законодательство, если не во многом сформировало его.

Таким образом, российское законодательство об ответственности за хищение прошло длинный путь своего развития, со времен существования Древнерусского государства по настоящее время, но наибольшее влияние на современное законодательство оказал УК РСФСР 1960 г., сформировавший в своё время как понятие хищения, так и основные составы тех или иных форм хищения.

¹⁶ Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27.10.1960) // Свод законов РСФСР. Т. 8. Ст. 497.

¹⁷ Федеральный закон от 01 июля 1994 года № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 04.07.1994. № 10. Ст. 1109.

§2. Анализ объективных признаков хищения

Рассмотрев исторический аспект развития законодательства об ответственности за хищение, представляется разумным перейти к анализу понятия хищения в силу основополагающей роли данной законодательной дефиниции при квалификации преступлений против собственности.

В соответствии с п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ под хищением понимаются *совершенные с корыстной целью противоправные безвозмездное изъятие и (или) обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц, причинившие ущерб собственнику или иному владельцу этого имущества*. Это достаточно ёмкое определение, поскольку его анализ и толкование позволяют определить, во-первых, предмет хищения, во-вторых, его объективные и субъективные признаки, обязательные для любой формы хищения, а в-третьих, в нём «заложен алгоритм первого этапа квалификации хищения»¹⁸.

К объективным признакам хищения относятся: механизм извлечения противоправной выгоды за счет чужого имущества; противоправный характер; безвозмездность; причинение ущерба собственнику или иному законному владельцу имущества; чужое имущество¹⁹. Каждый из названных признаков заслуживает детального рассмотрения в силу своего неопределенного (оценочного) характера, что на практике вызывает известные трудности²⁰.

1. *Механизм извлечения выгоды* законодательно определяется как *изъятие и (или) обращение* чужого имущества в пользу виновного или иных лиц и может рассматриваться в трех аспектах: что понимается под «изъятием» и «обращением» чужого имущества и каково практическое значение

¹⁸ Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург, 2018. С. 19.

¹⁹ Предмет хищения и его признаки, как представляется, заслуживают отдельного, более подробного анализа – см.: § 2 гл. 2 настоящей работы.

²⁰ Ахмедов Р. У. Оценочные признаки хищения и его форм в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 5, 8-10.

употребления соединительного и разделительного союзов одновременно в определении хищения.

Так, по мнению большинства исследователей, *изъятие* в доктрине уголовного права определяется как физическое перемещение материального объекта в пространстве, в результате чего вещь фактически выбывает из обладания законного владельца такого имущества²¹. Такой, нужно признать, довольно узкий подход применим к движимым вещам. Как отмечает А. В. Архипов, эта точка зрения сформировалась в 90-е гг. прошлого столетия вместе с легальной дефиницией хищения, когда обязательность вещного признака предмета хищения не ставилась под сомнение, в качестве предмета выступали только движимые вещи, а «для случаев незаконного завладения объектами гражданских прав, не имеющими физического признака, было использовано понятие «приобретение права на имущество»²².

Со временем в доктрине появился и широкий подход, понимающий под изъятием не только физическое перемещение вещи в пространстве, но и юридическое изъятие, выражающееся в возникновении юридически (документально) обеспеченной возможности вступить в правомочия владения, пользования, распоряжения вещью. Такой широкий подход соответствует нынешней действительности, в частности, он удобен при квалификации хищений объектов недвижимости²³, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно (п. 1 ст. 130 ГК РФ²⁴).

Также в ПП ВС РФ 2017 г. №48 (абз. 2 п. 5) указывается, что в случае хищения безналичных денег, в том числе электронных, мошенничество следует считать оконченным с момента изъятия денег с банковского счета их

²¹ См., напр.: Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 126; Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (вопросы теории). Томск: Изд-во Том. ун-та, 1999. С. 27; Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб.: Юрид. центр «Пресс», 2002. С. 227.

²² Архипов А. В. Содержание терминов «изъятие» и «обращение» чужого имущества как элементов объективной стороны хищения // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 202.

²³ п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // БВС 2018. № 2.

²⁴ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.

владельца или электронных денег, в результате которого владельцу этих денежных средств причинен ущерб. Приведенная позиция, в сущности, представляет собой пример юридического изъятия чужого имущества и подтверждает применимость широкого подхода на практике.

В свою очередь, термин «*обращение*» в большинстве случаев определяется как установление фактического незаконного господства виновного над чужим имуществом, замена законного владельца на незаконного пользователя. В частности, законодатель подчеркивает в дефиниции хищения, что имущество обращается «*в пользу*», но не в собственность или иное титульное владение, так как виновное лицо узурпирует фактическую возможность осуществления классической триады правомочий (п. 1 ст. 209 ГК РФ). При этом механизм извлечения противоправной выгоды при мошенничестве в отношении субъективного права обладает очевидной особенностью: виновное лицо фактически ничего не изымает (не узурпирует), но юридически (документально) лишает титульного владельца юридической возможности полноценно осуществлять свои правомочия, поскольку он будет находиться под угрозой предъявления к нему виндикационного притязания (ст. 301 ГК РФ). С этих позиций в механизме хищения субъективного права, во-первых, стёрты границы между юридическим изъятием и обращением, и, во-вторых, обращение в свою (чужую) пользу имеет противоположное содержание: виновное лицо прежде лишает титульного владельца самого правового основания, например, в результате регистрации перехода вещного права по правилам ст. 8.1 ГК РФ, что уже признается окончательным преступлением, и только потом, используя вещно-правовые способы защиты, может лишиться самой вещи. Таким образом, формулировка «*обращение в пользу*» требует расширительного толкования.

Что касается сочетания этапов извлечения противоправной выгоды, то законодательная формулировка «*изъятие и (или) обращение*» чужого имущества породила определенные споры, ведь при буквальном прочтении позволила сформулировать три варианта: 1) совершение хищения только

путем изъятия чужого имущества; 2) совершение хищения только путем обращения чужого имущества в свою (чужую) пользу; 3) совершение хищения путем изъятия и обращения чужого имущества в пользу виновного или других лиц²⁵. Однако, поскольку хищение без установления господства (как фактического, так и юридического) над чужим имуществом невозможно, ведь именно в этом и заключается его суть, хищения только путем изъятия тоже невозможно, хотя и может быть окончено с момента юридического изъятия, как, например, мошенничество права на чужое имущество или кража безналичных денег (чья природа как предмета хищения тоже требует детального рассмотрения).

Если предположить, что для хищения обязательны и изъятие, и обращение, то такая позиция противоречит ПП ВС РФ 2017 г. №48, где напрямую указывается на возможность совершения хищения в форме присвоения или растраты только путем обращения (п. 23), потому что при названных формах хищения имущество уже было вверено виновному – его владение имеет под собой титул, обусловленный договором, служебным положением или специальным поручением. Таким образом, механизм извлечения выгоды может выражаться либо в изъятии и обращении чужого имущества, либо только в его обращении в пользу виновного или других лиц.

Рассматриваемый признак имеет существенное практическое значение для отграничения хищения от иных корыстных преступлений против собственности. В частности, вымогательство (ст. 163 УК РФ) не является хищением, ведь предполагает «завладение» чужим имуществом не своими действиями, а путем предъявления требований, сопряженных с угрозами, под воздействием которых потерпевший вынужденно передает экономические блага, поэтому здесь нет элемента изъятия. То же касается и преступления, предусмотренного ст. 165 УК РФ, где незаконную выгоду виновный извлекает не за счет изъятия имущества, находящегося в наличии у собственника, а

²⁵ Квалификация преступлений против собственности / под общ. ред. А. Н. Попова. С. 44.

путем противоправного удержания (сбережения) имущества, которое еще не поступило, но в соответствии с НПА или договором должно поступить ему.

Кроме того, обращение как элемент механизма характеризуется конечностью (окончателностью). Это означает, что временное позаимствование чужого имущества нельзя назвать хищением. Так, неправомерное завладение транспортного средства без цели хищения (ст. 166 УК РФ) предполагает фактическое изъятие чужого транспортного средства (угон) и временное пользование – поездку на нем без намерения присвоить его целиком или по частям²⁶. Также не будет хищением злоупотребление должностными полномочиями из корыстной заинтересованности, которые не связаны с изъятием чужого имущества (получение выгоды от нецелевого использования имущества), либо связаны с временным и (или) возмездным изъятием имущества²⁷.

2. Противоправный характер хищения в доктрине подразделяется на *объективную* и *субъективную* противоправность. Объективная противоправность подразделяется на уголовно-правовую – запрещенность совершения деяния уголовным законом (ст. 158-162 УК РФ), а иные способы завладения чужим имуществом, пусть и противоправные, признаков хищения не содержат²⁸, и гражданско-правовую, предполагающую установление господства над вещью такими способами, которые не предусмотрены гражданским законодательством, в том числе гл. 14 ГК РФ, в качестве оснований приобретения права собственности. В свою очередь, субъективная противоправность выражается в отсутствии у виновного как действительных (юридических), так и предполагаемых прав на имущество. В случае, если лицо, изымая имущество, полагает, что обладает определенными правами на него,

²⁶ п. 20 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

²⁷ п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

²⁸ Там же. С. 46.

то его действия не могут быть квалифицированы как хищение. При наличии достаточных оснований совершенное может быть признано самоуправством (ст. 19.1 КоАП РФ, ст. 330 УК РФ)²⁹.

3. Обращаясь к такому объективному признаку хищения, как *безвозмездность*, стоит отметить следующее. Как отмечает А. Г. Безверхов, в уголовно-правовой доктрине и практике сформировалась точка зрения, при которой возмездность деяния будет отсутствовать в трех случаях: «1) без возмещения виновным стоимостного эквивалента (в частности, без предоставления взамен определенной суммы денег или иного имущества); 2) с символическим возмещением (например, замена ценного имущества на ничтожную вещь); 3) с частичным возмещением (незаконное обращение в свою пользу имущества «по заниженным ценам»))» – что, в свою очередь, придаёт категории безвозмездности «расширительную трактовку»³⁰. И действительно, в гражданско-правовом смысле, который нельзя не учитывать при анализе данного признака, «неэквивалентный или недостаточно эквивалентный обмен сам по себе не исключает принципа действия возмездности в договорных отношениях и не может быть отождествлен с понятием безвозмездности»³¹, однако и расширительное толкование безвозмездности имеет смысл, поскольку способствует уголовно-правовой охране отношений собственности в тех случаях, когда для сокрытия следов преступления виновный частично возмещает ущерб³².

При этом некоторые исследователи справедливо указывают на тесную связь признака безвозмездности с причинением ущерба и его оценочный характер³³, вплоть до того, что предлагается исключить указание на безвозмездность из легального определения хищения как дублирующее

²⁹ Насыбуллин Л. И. Проблемы определения понятия и признаков хищения чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. И. Насыбуллин, П. П. Пирогов // Sciences of Europe. 2021. № 84-2(84). С. 17.

³⁰ Безверхов А. Г. Безвозмездность как признак экономического преступления // Уголовное право. 2016. № 5. С. 19.

³¹ Смирнова С. Н. Безвозмездность как криминообразующий признак преступлений в сфере экономики: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. С. 10.

³² Безверхов А. Г. Указ. соч. С. 20.

³³ См.: Ахмедов Р. У. Укач. соч. С. 5, 8-10. Смирнова С. Н. Указ. соч. С. 9-12.

указание на причинение ущерба³⁴, хотя подобное предложение видится нецелесообразным, поскольку безвозмездность связана не только с причинением ущерба, но и с иными признаками хищения³⁵.

Как представляется, в ситуации, когда виновное лицо, совершив хищение, пытается заменить его неким, хотя бы и эквивалентным предоставлением, в том числе денежным или иным вещным, признак безвозмездности с гражданско-правовой точки зрения никуда не исчезает, и тому есть формально-догматическое обоснование. Совершаемое виновным лицом предоставление по смыслу ст. 153 ГК РФ является чистейшим волеизъявлением физического лица, имеющим правовой эффект, то есть это гражданско-правовая сделка. При толковании её условий (ст. 156, ст. 431 ГК РФ) нужно, наряду с обстоятельствами совершения сделки, учитывать её экономическую цель (*causa*). Безвозмездность по смыслу п. 2 ст. 423 ГК РФ предполагает отсутствие встречного предоставления от контрагента. Иными словами, для того чтобы нивелировать ущерб, причиненный хищением, виновный должен совершить реальное дарение (п. 1 ст. 572 ГК РФ)³⁶, а для такой сделки требуется своя совокупность признаков: *modus donandi* (намерение одарить без получения чего-либо взамен), *очевидная имущественная выгода для одаряемого*, влекущая увеличение его имущественной массы за счет уменьшения сферы имущественного обладания дарителя, и *безвозмездность*. В описанной же гипотетической ситуации дарения не будет, но будет мена или купля-продажа (двусторонние сделки по смыслу ст. 154, 420 ГК РФ), так как *causa* направлена на обмен вещами или вещи на деньги. Для совершения таких консенсуальных сделок требуется два

³⁴ Ахмедов Р. У. Там же. С. 18.

³⁵ Безверхов А. Г. Указ. соч. С. 23-24.

³⁶ С точки зрения формы сделки консенсуальное дарение в такой ситуации в любом случае невозможно, так как его конструкция включает письменно оформленное обещание дарения с индивидуализацией объекта (дара) согласно п. 2 ст. 572 и п. 2 ст. 574 ГК РФ. Несоблюдение требований данных императивных норм в части формы влечет ничтожность (п. 2 ст. 574 ГК РФ), то есть такое волеизъявление для позитивного права юридически равно нулю. Поэтому в такой ситуации речь может идти только о реальном дарении – односторонней сделки по смыслу ст. 155 ГК РФ, для совершения которой не требуется согласия (волеизъявления) одаряемого и возможна устная форма (п. 1 ст. 574 ГК РФ). Вместе с тем, односторонние сделки тоже требуют восприятия, что, например, при тайном хищении явно невозможно.

волеизъявления, в то время как потерпевший объективно не может выразить свою волю и, как следствие, не может возникнуть сингулярное производное основание приобретения права собственности потерпевшим (п. 2 ст. 218 ГК РФ). Таким образом, при замене похищенного иным имуществом, в том числе вещами, результатами работ (для приобретения права собственности на созданную вещь так же требуется договорное основание) или оказанием услуг, право собственности или некий экономически полезный эффект (в случае оказания услуг) на них у потерпевшего юридически не возникает, его сфера имущественного обладания не расширяется, иначе такое «навязывание» противоречило бы принципу автономии воли и свободе договора (ст. 2, 421 ГК РФ), поэтому безвозмездность сохраняется, а действия виновного объективно подпадают под деятельное раскаяние в форме заглаживания вреда (п. «к» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

4. *Причинение ущерба законному владельцу имущества* находится в системной взаимосвязи с экономическим признаком предмета хищения и выражается в уменьшении *реальной* имеющейся имущественной массы у потерпевшего независимо от того, находилось ли имущество непосредственно во владении у потерпевшего или было временно передано им другим лицам с сохранением права собственности на него³⁷. При этом необходимо учитывать, что категории «размер ущерба» и «размер хищения» не тождественны по своей сути, поскольку, как отмечает Е. В. Герасимова, «размер» выражает стоимость похищенного имущества и характеризует предмет преступления, а «ущерб» является более широкой категорией, поскольку характеризует последствия деяния и при определении размера ущерба учитывается как стоимость похищенного имущества, так и иные материальные затраты, связанные с хищением³⁸. С гражданско-правовой точки зрения данный криминообразующий признак хищения следует именовать как *реальный ущерб* – один из составных элементов убытков (п. 2 ст. 15 ГК РФ). Что же

³⁷ Архипов А. В. Указ. соч. С. 203.

³⁸ Герасимова Е. В. Предмет хищения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... кандидата юридических наук. Москва, 2006. С. 18-19.

касается второго составного элемента (упущенной выгоды), то он не может приниматься во внимание при определении вида хищения. Упущенная выгода характерна для иных корыстных преступлений против собственности, не содержащих признаков хищения, в частности, для ст. 165 УК РФ. Реальный ущерб предопределяет конструкцию объективной стороны всех хищений (материальный состав), кроме одной формы – разбоя (ст. 161 УК РФ).

Таким образом, легальное определение хищения позволяет выделить ряд признаков, характеризующих его объективную сторону (механизм извлечения выгоды, противоправность, безвозмездность, причинение ущерба), однако их содержание и пределы толкования уже долгое время остаются дискуссионными в доктрине и правоприменительной практике.

§3. Анализ субъективных признаков хищения

Итак, рассмотрев объективные признаки хищения, стоит перейти к рассмотрению его субъективных признаков. Примечание к ст. 158 УК РФ позволяет выделить среди субъективных признаков только *корыстную цель*, однако некоторые исследователи указывают и на важность *прямого умысла* как обязательного признака субъективной стороны при хищениях, поэтому представляется разумным рассмотреть оба этих признака.

Так как изъятие и (или) обращение чужого имущества и причинение ущерба являются обязательными признаками объективной стороны хищения и соотносятся как деяние и последствие в совокупности с причинно-следственной связью между ними, формы хищения представляют собой материальные составы преступлений. По общему правилу, в материальных составах преступлений возможен как прямой, так и косвенный. Однако хищение является исключением из этого правила – оно может быть совершено только с *прямым умыслом*, на что справедливо указывают исследователи в своих работах³⁹. Поскольку вид умысла (прямой или косвенный) зависит от

³⁹ См., напр.: Квалификация преступлений против собственности / под общ. ред. А. Н. Попова. С. 56.; Хилюта В. В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. 2020. Т. 73. № 4. С. 100.

отношения виновного к последствиям совершенного им деяния, а в случае с хищением виновный *предвидит неизбежность* наступления общественно опасных последствий в виде причинения ущерба другому лицу и *желает* их наступления (поскольку они являются необходимым условием для обращения чужого имущества в свою пользу), то хищение может быть совершено только с прямым умыслом. И, как отмечает В. В. Хилюта, «при косвенном же умысле результат не нужен виновному ни в качестве конечной цели, ни в качестве средства достижения какой-либо иной цели»⁴⁰, что противоречит самой сути хищения, совершаемой с определенной (исходя из законодательного определения – корыстной) целью, связанной с результатом действий (бездействия).

Возвращаясь же к *корыстной цели* хищения, нельзя не отметить большое количество научных дискуссий, посвященных данному признаку хищения. Если постараться обобщить имеющиеся позиции исследователей по указанному вопросу, можно выделить два основных подхода к содержательному пониманию корыстной цели, узкий и широкий. Так, узкий подход рассматривает корыстную цель как стремление виновного к личному обогащению, обращение похищенного имущества в свою пользу или в пользу иных лиц (под которыми, в свою очередь, подразумеваются близкие виновному лица или соучастники преступления). А широкий подход, в отличие от узкого, никоим образом не ограничивает круг лиц, в пользу которых обращается чужое имущество, а также рассматривает возможность распоряжения похищенным имуществом как своим собственным, по своему усмотрению.

При этом широкий подход отражает судебное понимание корыстной цели: в п. 26 ПП ВС РФ 2017 г. № 48: «...наличие у лица корыстной цели, то есть стремления изъять и (или) обратить чужое имущество в свою пользу либо распорядиться указанным имуществом как своим собственным, в том числе путем передачи его в обладание других лиц, круг которых не ограничен» – что

⁴⁰ Хилюта В. В. Указ. соч. С. 100.

отчасти разрешило спор о том, какой подход предпочтительнее, однако и породило определенную критику. Так, например, С. А. Елисеев, анализируя ПП ВС РФ от 27 декабря 2007 г. № 51 по делам о мошенничестве, присвоении и растрате, из которого определение корыстной цели полностью перешло в ныне действующее постановление, отмечает: «Пленум Верховного Суда РФ, по существу, сказал о содержании корыстной цели следующее – корыстная цель как признак хищения представляет собой стремление лица совершить хищение»⁴¹. При таком понимании корыстной цели, рассматриваемый признак раскрывается через иные признаки хищения и не имеет самостоятельного содержания, что, в таком случае, делает законодательное указание на корыстную цель бессмысленным.

Поскольку мошенничество, растрата и присвоение не являются единственными формами хищения, представляется разумным обратиться к ПП ВС РФ 2002 г. № 29⁴² для наибольшей полноты исследования. Однако данное постановление не содержит разъяснений относительно корыстной цели. Наоборот, п. 7 указывает на возможность появления у виновного иной, некорыстной цели, которая исключает возможность квалификации содеянного как хищения. Но если мошенничество, присвоение, растрата, кража, грабеж и разбой являются однотипными формами хищения, на которые в равной мере распространяются признаки хищения, перечисленные в п. 1 примечаний к ст. 158 УК РФ, а корыстная цель представляет собой, в сущности, стремление лица выполнить объективную сторону хищения (и выполнение этой объективной стороны должно указывать на наличие корыстной цели), то возникают трудности при попытках отграничения корыстной цели от некорыстной в составе преступления со сходной объективной стороной. Так, например, если виновный изъяс и обратил в свою пользу некое имущество, а

⁴¹ Елисеев С. А. Дискуссионная трактовка вопросов квалификации мошенничества, присвоения и растраты в Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2007 г. // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права, 29-30 мая 2008 г. М., 2008. С. 226.

⁴² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

затем уничтожил его, то совершенное деяние не будет квалифицировано как хищение, хотя уничтожение имущества можно рассматривать как распоряжение им по своему усмотрению, и в этом контексте оно укладывается в широкое понимание корыстной цели⁴³.

Впрочем, это не единственный недостаток широкого подхода, на который указывает В. В. Хилjuta. Более того, он приходит к справедливому выводу, что корень проблемы заключается не в том, насколько широко необходимо трактовать корыстную цель хищения, а в том, что УК РФ не устанавливает ответственности за противоправное завладение имуществом или его отчуждение при отсутствии корыстной цели, что вынуждает правоприменителя широко трактовать корыстную цель и «вводить в его объем действия, никоим образом не связанные с классическим пониманием хищения как деликта абсолютного характера»⁴⁴. С другой стороны, хищение среди субъективных признаков должно содержать указание на стремление виновного обогатить себя или иных лиц, в судьбе которых он заинтересован⁴⁵, чему, в целом, может отвечать узкий подход понимания корыстной цели, хотя это и требует определенных изменений на уровне законодательства.

Интересно заметить, что «корыстная цель» нигде, кроме как в примечаниях к ст. 158 УК РФ и составе мародерства (ст. 356.1 УК РФ), где, по сути, воспроизводится дефиниция хищения, законодателем не используется. Зато словосочетание корыстные побуждения (корыстная заинтересованность), которое в общетеоретическом плане выступает мотивом, встречается повсеместно. Как представляется, корыстный мотив как конститутивный признак хищения означает *намерение извлечь конкретную имущественную выгоду из чужого имущества как для себя, так и для других (неправомерное обогащение за счёт чужого имущества)*. В свою очередь, корыстная цель выполняет техническую функцию и характеризует направленность (траекторию) любого хищения – стремление получить возможность владеть,

⁴³ Хилjuta В. В. Указ. соч. С. 96.

⁴⁴ Там же. С. 100.

⁴⁵ Там же. С. 101.

пользоваться и распоряжаться чужим имуществом как своим собственным путем его изъятия и обращения в свою пользу или иных лиц. Простыми словами, корыстная цель – идеальная модель, при которой лицу удастся *благополучно (беспрепятственно) изъять и обратить в свою (чужую) пользу предмет хищения, что неминуемо повлечёт реальный ущерб для потерпевшего*. Именно в таком смысле следует толковать корыстную цель, в том числе разбоя как формы хищения, где самоцель не само насильственное нападение, а потенциальное изъятие и обращение в свою пользу чужого имущества. При этом реальное обогащение (удовлетворение корыстного мотива) лежит за рамками объективно стороны. Иное толкование обесценило бы статус разбоя как корыстного преступления против собственности и перевело бы его в разряд преступлений против личности.

Таким образом, в данной главе были рассмотрены объективные и субъективные признаки хищения, в совокупности составляющие его понятие (за исключением предмета, который будет рассмотрен далее). Несмотря на то, данное легальное определение появилось в уголовном законодательстве более двадцати лет назад, его отдельные аспекты до сих пор вызывают споры среди исследователей, которые не всегда разрешаются однозначно и порождают определенные трудности в правоприменительной практике.

Глава 2. Дискуссионные вопросы квалификации хищения в доктрине уголовного права и судебной практике

§1. Формы и виды хищения: уголовно-правовой анализ

Рассмотрение объективных и субъективных признаков хищения позволило в рамках данной работы осветить ряд дискуссионных вопросов, касающихся хищения в целом. Теперь же представляется разумным проанализировать отдельные формы и виды хищения, поскольку и они вызывают определенный исследовательский интерес.

Под формами хищения в науке уголовного права, как правило, понимаются типичные, наиболее общие способы совершения хищения, определенные в уголовном законе, которые характеризуют объективную сторону хищения. Выделяется шесть форм хищения: кража (ст. 158 УК РФ), грабеж (ст. 161 УК РФ), разбой (ст. 162), мошенничество (ст. ст. 159-159.6 УК РФ), присвоение и растрата (ст. 160 УК РФ). Стоит заметить, что отдельные исследователи предлагают свой оригинальный взгляд на этот перечень путем его сужения или же расширения⁴⁶.

В соответствии с ч. 1 ст. 158 УК РФ основной состав *кражи* образует *тайное хищение чужого имущества*. Понятие и признаки хищения были подробно рассмотрены в предыдущей главе, чужое имущество как предмет хищения будет рассмотрено далее, поэтому стоит остановиться на таком оценочном признаке объективной стороны кражи – *тайность* хищения.

Поскольку законодательство не располагает легальной дефиницией тайности, Верховный Суд РФ в своем акте толкования по делам о краже, грабеже и разбое разъяснил, что под тайным необходимо понимать изъятие имущества в отсутствие собственника или иного владельца этого имущества, или посторонних лиц либо хотя и в их присутствии, но незаметно для них. В том случае, если указанные лица все-таки заметили действия виновного, но не осознали противоправного характера этих действий либо никак не предприняли попыток прекратить преступное посягательство и виновный,

⁴⁶ Квалификация преступлений против собственности / под общ. ред. А. Н. Попова. С. 61-62.

исходя из окружающей обстановки, полагал, что действовал тайно, то такие действие также будут квалифицированы по ст. 158 УК РФ и, таким образом, судебная практика реализует принцип субъективного вменения.

Ещё одним дискуссионным вопросом в отношении данной формы хищения долгое время остается возможность *кражи находки*. Хищение найденного имущества в иной форме не рассматривается по тем причинам, что, во-первых, кража в силу тайного способа изъятия имущества, как правило, не подразумевает взаимодействия с собственником или иным владельцем имуществом до или во время совершения преступления, во-вторых, даже если виновный присвоит найденную вещь в присутствии посторонних лиц, скорее всего, они не будут осознавать противоправный характер его действий (например, они будут полагать, что виновный забрал забытую или утерянную, но принадлежащую ему вещь), а в-третьих, виновный будет полагать, что действует тайно.

В январе 2023 года Конституционный Суд РФ также коснулся этой дискуссии⁴⁷. Так, в своем постановлении он указал, что при разграничении гражданско-правового злоупотребления и кражи необходимо учитывать, что сами по себе составы кражи не определяют ни квалификацию присвоения найденного как кражи, ни невозможности такой квалификации в силу общего и универсального объективных и субъективных признаков данного преступления. Поэтому судебно-следственным органам необходимо обращаться к гражданско-правовому регулированию отношений в сфере обязанностей и гражданско-правовой ответственности нашедшего потерянную вещь, а также определять момент, когда злоупотребление в гражданском смысле становится уголовно наказуемым деянием.

В качестве признаков объективной стороны кражи находки Конституционный Суд РФ указал деяние, состоящее из завладения

⁴⁷ Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 4. Ст. 697.

(установления фактического владения) обнаруженной чужой вещью, сопряженного с ее сокрытием или сокрытием источника ее получения, ее принадлежности другому лицу или ее идентифицирующих признаков, для тайного обращения ее в свою пользу или в пользу иных, неуправомоченных, лиц, чем причиняется ущерб законному владельцу этого имущества, а равно тайное завладение с теми же целями чужой вещью, когда лицо, завладевшее ею, наблюдало ее потерю собственником или иным законным владельцем и имело реальную возможность незамедлительно проинформировать последнего о потере и вернуть ему вещь. При этом такое понимание кражи не исключает создания федеральным законодателем новой уголовно-правовой нормы, устанавливающей ответственность за присвоение найденного имущества.

С гражданско-правовой точки зрения режим находки (ст. 227 ГК РФ) предполагает предание гласности, открытости своему фактическому владению (*corpus*) через уведомление органов публичной власти о находке, чтобы впоследствии подтвердить свою добросовестность и, в случае если титульный владелец не обнаружится, намерение владеть такой вещью как своей собственной (*animus*) и по истечении 6 месяцев, вместо 5 лет (ст. 234 ГК РФ), приобрести право собственности на такую движимую вещь (ст. 228 ГК РФ). Такой порядок создан в противовес завладению (*occipatio*), который возможен лишь в отношении бесхозных, в т.ч. брошенных вещей (ст. 225, 226 ГК РФ), т.е. движимые вещи, от которых собственник, совершив распорядительную сделку (дереликцию) отказался (ст. 236 ГК РФ). В любом случае, дереликция (явление исключительное, так как направлено на прекращение наиболее абсолютного права) не влечет прекращения права собственности на вещь до приобретения права собственности на неё другим лицом.

Однако с уголовно-правовой точки зрения возникает вопрос: почему не квалифицировать обращение в свою пользу находки как самоуправство? Ведь если лицо подберет мобильный телефон, оставленный на его глазах неким

небрежным владельцем, воспринимаемым как законным, и присвоит, думая, что у него возникло некое право на находку (предполагаемое право) вопреки установленному ст. 227 ГК РФ порядку, чем причинит такому владельцу существенный ущерб, то это чистой воды самоуправство, но не хищение. В действиях лица, присвоившего находку, как минимум нет корыстной цели и корыстного мотива в том понимании, которое было изложено ранее. Нет и, как следствие, субъективной противоправности и, забегая вперед, нет и юридического признака предмета хищения. Представляется, что такой подход Конституционного суда РФ, направленный на защиту законных владельцев забытых вещей, несколько противоречит ч. 2 ст. 5 УК РФ, так как создает основу для объективного вменения.

В отличие от кражи, характеризующейся тайным способом, *грабеж* (ст. 161 УК РФ) осуществляется *открыто*. Как следует из разъяснений Верховного Суда РФ, открытым хищение признается в том случае, если виновный сознает, что лица, присутствующие при совершении хищения (будь то собственник, иной владелец имущества или иные посторонние лица), понимают противоправный характер его действий независимо от того, принимали ли они меры к пресечению этих действий.

При этом существуют случаи, когда виновный изначально намеревался совершить тайное хищение чужого имущества, но в ходе выполнения объективной стороны кражи был обнаружен какими-либо из перечисленных лиц. Если при этом виновный осознает факт своего обнаружения и продолжает совершать незаконное изъятие имущества или его удержание, то такие действия перерастают из кражи в грабеж и квалифицируются по ст. 161 УК РФ.

Следующей рассматриваемой формой хищения является *разбой* (ст. 162 УК РФ), который очень важно отличать от насильственного грабежа. Критерием отграничения этих двух составов преступлений является интенсивность насилия, применяемого к потерпевшему, или угроз применения такого насилия для его жизни и здоровья, что также было

разъяснено ВС РФ. Так, если насилие не представляет опасности для жизни или здоровья – например, побои или совершение иных насильственных действий, не влекущих вреда здоровью какой-либо степени (связывание рук, применение наручников, оставление в закрытом помещении и др.) – то такие действия квалифицируются как грабеж по ст. 161 УК РФ. А если присутствует вред здоровью хотя бы легкий вред здоровью (не говоря уже о вреде средней тяжести и тяжком вреде), то деяние будет признано разбоем по ст. 162 УК РФ.

Как следует из вышесказанного, разбой всегда сопряжен с применением насилия. Данное обстоятельство нашло свое отражение и в диспозиции нормы, устанавливающей ответственность за разбой: в соответствии с ч. 1 ст. 162 УК РФ разбоем признается нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни или здоровья, либо с угрозой применения такого насилия.

При этом, в отличие от других форм хищения, на первое место законодателем вынесено не хищение, а нападение в целях хищения, вследствие чего некоторые исследователи даже отказываются признавать разбой формой хищения⁴⁸. Впрочем, эта точка зрения не преобладает в доктрине, поскольку, во-первых, разбой сопряжен с хищением, это обязательный признак его субъективной стороны, а во-вторых, в ПП ВС РФ 2002 г., уже упоминавшемся ранее в данном параграфе, разбой признается хищением, что подкрепляет доктрину судебной практикой. Кроме того, любое преступление по смыслу ч. 1 ст. 14 УК РФ обладает общественной опасностью (материальный признак), в противном случае возникал бы резонный вопрос: в чем целесообразность уголовного запрета того или иного деяния, если оно (деяние) объективно не способно причинять вред (создавать угрозу причинения вреда) объектам уголовно-правовой охраны? Разбой при таком толковании, учитывая его корыстную направленность, рассмотренную ранее, следует именовать полноценной формой хищения.

⁴⁸ См.: Лопашенко Н. А. Посягательства на собственность. М.: Норма, Инфра-М, 2012. С. 159-161.

Специфический способ совершения преступления имеет и *мошенничество* (ст. ст. 159-159.6 УК РФ), которое совершается путем обмана или злоупотребления доверием. В соответствии с разъяснениями ПП ВС РФ 2017 г. № 48 *обман* состоит в сознательном сообщении (представлении) заведомо ложных, не соответствующих действительности сведений (активный обман), либо в умолчании об истинных фактах, либо в умышленных действиях, направленных на введение владельца имущества или иного лица в заблуждение (пассивный обман). При этом, как указал ВС РФ в своем обзоре судебной практики № 2 от 2022 г.⁴⁹ необязательно, чтобы сообщение ложных сведений потерпевшему непосредственно виновным, эти сведения могут быть сообщены через других лиц в случае наличия причинно-следственной связи между действиями виновного, сообщенными сведениями и причиненным ущербом. Так, в п. 44 данного обзора указывается, что суд кассационной инстанции пришел к выводу, что «сам по себе факт дачи С. (виновным) взятки за заведомо незаконные действия, а именно за внесение в ведомости недостоверных сведений, одновременно не образует объективной стороны мошенничества, поскольку недостоверные сведения о наличии у осужденного высшего квалификационного уровня физической подготовленности были представлены другим лицом (взятополучателем)», но Верховный суд посчитал этот вывод ошибочным, поскольку ущерб был причинен вследствие действий виновного, поэтому в данном случае деяние должно быть квалифицировано по ст. 159 УК РФ.

В свою очередь, *злоупотребление доверием* должно усматриваться в тех случаях, когда у виновного в силу определенных обстоятельств сложились доверительные отношения с потерпевшим (например, вследствие личных взаимоотношений или служебного положения виновного), опираясь на которые потерпевший передает принадлежащее ему имущество виновному.

⁴⁹ Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 11.

В отличие от уже рассмотренных форм хищения, совершаемых путем изъятия и обращения чужого имущества, *присвоение* и *растрата* (ст. 160 УК РФ) совершаются только путем обращения чужого имущества, причем предварительно оно должно было быть *вверено* виновному.

Исходя из положений п. 23 ПП ВС РФ 2017 г. № 48 под вверенным имуществом признается в тех случаях, когда оно «находилось в правомерном владении либо ведении этого лица, которое в силу должностного или иного служебного положения, договора либо специального поручения осуществляло полномочия по распоряжению, управлению, доставке, пользованию или хранению в отношении чужого имущества». Однако такое понимание вверенного имущества подвергается критике в доктрине. Так, в своей работе Р. У. Ахмедов справедливо отмечает, что, ограничивая понимания вверенного имущества случаями распоряжения, управления, доставки, пользования или хранения, судами не учитываются ситуации, когда имущество вверяется на основании таких гражданско-правовых договоров, как аренда, подряд, перевозка, заём, поручения и др., хотя такое ограничительное толкование можно преодолеть, указав на правомочия виновного по владению, пользованию и распоряжению в отношении вверяемого имущества⁵⁰.

В свою очередь, присвоение отграничивается от растраты путем указания на то, как виновный распорядился вверенным ему имуществом: если обратил в свою пользу, действия будут квалифицированы как присвоение, а если истратил путем потребления, расходования или передачи этого имущества другим лицам – как растрата. С гражданско-правовой точки зрения данные формы хищений следует различать по набору правомочий (ст. 209 ГК РФ), доступных виновному лицу, в отношении вверенного имущества: растрата сопряжена с расходованием (потреблением), следовательно, должно быть правомочие распоряжения, а при присвоении возможности определять

⁵⁰ Ахмедов Р. У. Указ. соч. С. 23. Хотя автор и ссылается на недействующее ПП ВС РФ от 2007 г., понимание вверенного имущества с тех пор не изменилось, поэтому его выводы представляются актуальными и сейчас.

юридическую судьбу вверенного имущества нет, так как виновное лицо располагает лишь правомочиями владения и пользования.

Помимо того, что на основании способа совершения преступления выделяются формы хищения, *хищение* подразделяется на *виды* в зависимости от размера похищенного имущества. В соответствии с указанным критерием выделяется пять видов хищения: мелкое хищение, простое хищение, хищение с причинением значительного ущерба гражданину, хищение в крупном размере и хищение в особо крупном размере.

Так, *мелкое хищение* ограничивается суммой в 2,5 тыс. руб. и только формами кражи, мошенничества, присвоения или растраты (ст. 7.27 КоАП РФ), хищение на сумму до 2,5 тыс. руб. в форме грабежа или разбоя квалифицируется по ст. 161 и 162 УК РФ соответственно. Хотя само по себе мелкое хищение не образует уголовно наказуемого деяния, в ситуации, когда оно совершено лицом, подвергнутым административному наказанию за мелкое хищение, то такое деяние будет квалифицировано по ст. 158.1 УК РФ.

Хищение в крупном размере по общему правилу вменяется в том случае, если стоимость похищенного имущества варьируется в пределах от 250 тыс. до 1 млн руб. (для некоторых видов мошенничества есть исключения), а в *особо крупном* – если стоимость имущества превышает 1 млн руб.

Простым хищение будет признаваться в том случае, если оно, во-первых, по размеру стоимости имущества превышает пределы мелкого хищения (2,5 тыс. руб.) и не доходит до минимального предела хищения в крупном размере (250 тыс. руб.), а во-вторых, не признано хищением с причинением значительного ущерба гражданину.

При этом признак *значительности ущерба* носит оценочный характер: с одной стороны, законодателем определена минимальная стоимость имущества, при которой ущерб может быть признан значительным – это 5 тыс. руб., но с другой – примечание 2 к ст. 158 УК РФ содержит формулировку «с учетом его (гражданина) имущественного положения». Как было разъяснено в п. 24 ПП ВС РФ от 2002 г. № 29, суды должны «учитывать имущественное

положение потерпевшего, стоимость похищенного имущества и его значимость для потерпевшего, размер заработной платы, пенсии, наличие у потерпевшего иждивенцев, совокупный доход членов семьи, с которыми он ведет совместное хозяйство, и др.», и в отношении практического применения данного разъяснения интересно определение СКУД ВС РФ от 18.11.2021 г. №18-УД21-72-К4⁵¹, где виновная похитила у потерпевшей имущество на сумму 5.500 руб., что без учета имущественного положения потерпевшей могло бы быть квалифицировано как кража с причинением значительного ущерба гражданину, однако в силу фактических обстоятельств дела – как указала Судебная коллегия, «размер ущерба от преступления в десятки раз ниже дохода потерпевшей и лишь незначительно превышает сумму, дающую основания для квалификации деяния по признаку значительности» – действия виновной были квалифицированы по ч. 1 ст. 158 УК РФ. Приведенный пример указывает на важность оценочного характера значительности ущерба для квалификации содеянного.

Также, для правильного рассмотрения дела судам необходимо учитывать некоторые особенности определения размера хищения. Так, в соответствии с п. 25 ПП ВС РФ от 2002 г. №29 размер похищенного имущества определяется на момент совершения преступления, а при отсутствии сведений о стоимости имущества проводится судебная экспертиза.

В тех ситуациях, когда предметом хищения является доход, облагаемый НДФЛ, возникает вопрос, необходимо ли включать сумму уплаченного налога в предмет хищения. До ноября 2023 г. ответ на этот вопрос оставался на усмотрение судов и допускал противоречивую практику (одни суды учитывали уплаченный налог при определении размера хищения, другие нет), однако в декабре 2022 г. Конституционный Суд РФ в своем постановлении⁵² разрешил данную правовую определенность. Хотя он и указал, что оба

⁵¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2021 г. №18-УД21-72-К4 // СПС «КонсультантПлюс»

⁵² Постановление Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2022 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 51. Ст. 9343.

варианта определения размера хищения допустимы с точки зрения действующего законодательства, в резолютивной части своего решения суд запретил включать в размер хищения сумму НДСЛ, которая исчислена и удержана налоговым агентом вплоть до внесения соответствующих изменений в законодательство. И, наконец, в ноябре 2023 г. эти изменения были внесены при помощи добавления примечания 5 к ст. 158 УК РФ: «В случае, когда предметом хищения является доход, облагаемый НДСЛ, в размер хищения *не подлежит включению сумма указанного налога, удержанная и уплаченная налоговым агентом в соответствии с законодательством РФ*».

Таким образом, не только понятие и признаки хищения вызывают исследовательский интерес и порождают дискуссии в доктрине. Особенно толкования признаков той или иной формы хищения также влияют на квалификацию содеянного и потому правильное понимания их содержания должно способствовать уголовно-правовой охране собственности.

§2. Проблемы определения предмета хищения в судебной практике и иные спорные вопросы правоприменения

Как уже говорилось ранее, предмет хищения заслуживает отдельного рассмотрения в рамках данного исследования, поскольку он вызывает наибольшее количество споров в доктрине и правоприменительной практике, а, между тем, правильное определение предмета хищения напрямую влияет на верную квалификацию содеянного.

В течение длительного периода времени в доктрине господствует подход, выделяющий три признака предмета хищения: физический (вещный, материальный), экономический и юридический – каждый из которых может быть охарактеризован по отдельности.

1. Так, под ***физическим признаком*** предмета хищения традиционно понимается только имущество, обладающее физическими характеристиками, иными словами, предметы материального мира, вещи, у которых есть форма,

цвет, количество, объём и т.д.⁵³, в связи с чем исследователями долгое время полностью отрицалась возможность хищения энергии, компьютерной информации и интеллектуальной собственности. Однако вследствие все более всеобъемлющей цифровизации общества стали высказываться и противоположные точки зрения, предлагающие включать в предмет хищения имущество в широком понимании – вещи (включая наличные деньги и документарные ценные бумаги), а также иное имущество, в том числе имущественные права⁵⁴.

2. В свою очередь, **экономический признак** подразумевает наличие у предмета потребительской стоимости, экономической ценности, которая объективно выражается в цене. Благодаря этому признаку не признаются предметом хищения так называемые легитимационные знаки (например, номерки на сданную в гардероб одежду) и документы, удостоверяющие отдельные полномочия по владению, пользованию или распоряжению имуществом (например, доверенность, товарно-транспортная накладная). Вещи, имеющие ценность лично для их владельца (например, письма, дневники, фотографии) при отсутствии экономической ценности также не являются предметом хищения⁵⁵.

3. И, наконец, **юридический признак** предмета хищения состоит из двух элементов: во-первых, виновный не обладал правом собственности на предмет хищения, во-вторых, это право принадлежало другому физическому или юридическому лицу либо имущество находилось в государственной или муниципальной собственности. Каждый из этих элементов влияет на правильную квалификацию содеянного: так, если виновный не обладал правом собственности в действительности, но хотя бы полагал, что обладает им, действия лица не могут быть квалифицированы как хищение, при наличии должных признаков содеянное им может образовать состав самоуправства (ст.

⁵³ См., напр.: Квалификация преступлений против собственности / под общ. ред. А. Н. Попова. С. 23.; Герасимова Е. В. Указ. соч. С. 15.

⁵⁴ Коргулев А. Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. С. 13.

⁵⁵ Квалификация преступлений против собственности / под общ. ред. А. Н. Попова. С. 31-32.

330 УК РФ) (абз. 2 п. 26 ПП ВС РФ 2017 г. № 48); если же предметом посягательства оказалось бесхозяйное имущество (ст. 225 ГК РФ), то содеянное также не образует состава хищения в силу отсутствия его предмета.

Как уже было сказано ранее, в силу цифровой трансформации общества среди исследователей сформировалось мнение о необходимости включения в предмет хищения имущества в широком смысле – как вещей, так и имущественных прав. В частности, к предмету хищения были отнесены безналичные денежные средства, в том числе электронные денежные средства. Более того, данный подход нашел постепенно отражение в законодательстве, когда сначала в 2012 г. появилась ст. 159.3 УК РФ, устанавливающая ответственность за мошенничество с использованием платежных карт (в первоначальной редакции статьи), а потом в 2018 г. у кражи появился новый квалифицирующий признак – п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ: кража с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных средств (при отсутствии признаков преступления, предусмотренного статьей 159.3 УК РФ), то есть произошло разграничение кражи и мошенничества в отношении безналичных денежных средств. Также ПП ВС РФ от 2017 г. №48 содержит указание на безналичные денежные средства, признавая их, в частности, предметом хищения при мошенничестве (п. 5).

И, как и в случае с безвозмездностью, у предложенных законодателем изменений есть определенное обоснование с гражданско-правовой точки зрения. Так, Конституционный Суд РФ в своем постановлении от 10 декабря 2014 года № 31-П⁵⁶ признал обязательственную природу безналичных денежных средств как объекта гражданских прав по ст. 128 ГК РФ: «по своей природе безналичные денежные средства, существующие в виде записи на банковском счете кредитора (их обладателя), представляют собой его обязательственное требование на определенную сумму к кредитной

⁵⁶ Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

организации, в которой открыт данный счет» – что, впрочем, не исключает необходимости защиты этих прав для обеспечения «баланса прав и законных интересов всех участников гражданского оборота – собственников, кредиторов, должников». Поскольку безналичные денежные средства имеют обязательственную природу, они носят относительный характер, что, согласно доктрине гражданского права, означает точное определение субъектов права, участвующих в данных правоотношениях по смыслу ст. 308 ГК РФ (в данном случае – это владелец счета (кредитор) и кредитная организация (должник)). Исходя из логики обязательственного правоотношения, нарушить права одного участника (кредитора) такого правоотношения может только другой участник (должник). Однако в случае с безналичными денежными средствами права участников может нарушить и третье лицо (например, виновный при совершении хищения), вмешивающееся в отношения между кредитной организацией и лицом, открывшим счет. И лицо, чьи права нарушены (владелец банковского счета или электронного кошелька), имеет право на защиту своих прав и законных интересов. Указанная ситуация по характеру нарушения близка к понимаю абсолютных правоотношений (как правило, вещных), когда управомоченное лицо имеет право защищаться от любого необоснованного посягательства на свои права и законные интересы. Таким образом, безналичные денежные средства признаются предметом хищения в силу абсолютного характера защиты от посягательств на эти права требования несмотря на то, что по своей природе они представляют собой обязательственные правоотношения. То же касается и электронных денег, которые согласно п. 18 ст. 3 ФЗ об НПС⁵⁷ являются правами требования к оператору ЭДС, могут быть предметом хищения.

Еще одним интересным примером в сфере признания (или наоборот, непризнания) предметом хищения является дискуссия о криптовалюте. Дело в том, что правовой режим криптовалюты в Российской Федерации носит в

⁵⁷ Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.

некоторой степени неопределенный характер: с одной стороны, данный термин непосредственно не упоминается в законодательстве, с другой – криптовалюту можно охарактеризовать как одну из разновидностей цифровой валюты, впервые появившейся в ФЗ о ЦФА⁵⁸, о чем говорит судебная практика⁵⁹. Более того, судебная практика в последнее время все более активно признает цифровые валюты (в частности, криптовалюту) предметом хищения⁶⁰, хотя еще несколько лет назад существовала противоречивая практика по этому вопросу в рамках одного и того же суда. Так, в своей монографии при анализе судебной практики Ушаков Р. М., говоря об неустоявшемся характере судебной практики в отношении криптовалюты, приводит два апелляционных определения Санкт-Петербургского городского суда⁶¹, где в одном случае суд приходит к выводу о невозможности отнесения криптовалюты к предмету хищения (поскольку криптовалюта в соответствии с законодательством РФ не является объектом гражданских прав и не может быть отнесена к объектам, указанным в ст. 128 ГК РФ), а в другом – к отнесению криптовалюты к предмету хищения с указанием на диспозитивность норм гражданского права (ст. 128 ГК РФ), определяющих открытый перечень объектов гражданских прав⁶². Представляется, что криптовалюта, пусть и не совсем ликвидное имущество в силу децентрализованного (частного) характера её эмиссии через пиринговые системы, безусловно, обладает имущественной ценностью, может быть противоправно изъята и безвозмездно обращена в чужую пользу при неправомерном получении доступа к криптокошелькам или криптосчетам их

⁵⁸ Федеральный закон от 31 июля 2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

⁵⁹ См., напр.: Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023 // СПС «КонсультантПлюс»; Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2023 г. № 77-5316/2023 // СПС «КонсультантПлюс»

⁶⁰ См. те же дела.

⁶¹ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 марта 2020 г. по делу № 22-106/2020. // СПС «КонсультантПлюс»; Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. по делу № 22-5295/2020. // СПС «КонсультантПлюс».

⁶² Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. // Москва: Юстицинформ, 2023. С. 22.

владельцев. И здесь должна действовать та же логика, согласно которой криптовалюта – по существу информация, код, основанный на блок-чейн технологии, но в силу абсолютного характера правоотношений, никто не вправе вторгаться в эту сферу имущественных интересов.

Таким образом, можно заметить постепенное изменение устоявшегося понимания предмета хищения, и этому есть определенное правовое обоснование. Более того, стоит отметить и некоторые новеллы федерального законодательства в части регулирования отдельных форм и видов хищения, а также толкование их признаков в актуальной правоприменительной практике, в совокупности способствующие совершенствованию механизма уголовно-правовой охраны отношений собственности.

Заключение

Итак, в начале данной курсовой работы в качестве её основной цели был проведен уголовно-правовой анализ понятия и признаков хищения, что предопределило постановку определенных задач и их дальнейшее решение в рамках проведенного исследования.

Так, *первой задачей работы* стало проследить становление отечественного законодательства, устанавливающего ответственность за хищение в его различных формах, в связи с чем были проанализированы наиболее значимые источники российского уголовного права начиная со времен Древнерусского государства и заканчивая советским периодом. Благодаря проведенному анализу был сделан вывод о постепенном развитии норм об ответственности за хищение, где на современный этап их развития наибольшее влияние оказала советская доктрина и законодательная практика.

В свою очередь, *второй задачей исследования* стало пристальное изучение объективных и субъективных признаков хищения, прямо вытекающих из законодательной дефиниции хищения в соответствии с примечанием 1 ст. 158 УК РФ. Рассмотрение указанных признаков позволило обосновать следующее: 1) механизм извлечения выгоды может выражаться либо в изъятии и обращении чужого имущества, либо только в его обращении в пользу виновного или других лиц, причем изъятие может иметь как физический, так и юридический характер; 2) выделение в признаке противоправности объективного и субъективного критерия позволяет отграничивать хищения от иных преступлений, в частности, от самоуправства; 3) признаку безвозмездности придается несколько «расширительная трактовка», однако она обоснована для обеспечения эффективности уголовно-правовой охраны собственности; 4) признак причинения ущерба требует разграничивать понятия «размер хищения» и «размер ущерба»; 5) хищение совершается только с прямым умыслом; 6) корыстная цель на данном этапе развития уголовного законодательства также толкуется расширительно, однако и этому есть определенное обоснование.

Решение *третьей задачи исследования*, а именно уголовно-правового анализа форм и видов хищения, позволило показать разрешение некоторых дискуссионных вопросов, возникавших в доктрине и практике. Так, Конституционный Суд РФ признал возможность хищения найденного имущества и сформулировал объективную сторону данного деяния; на примере практики Верховного Суда РФ был продемонстрирован оценочный характер значительности ущерба; также удалось проследить историю вопроса о включении в предмет хищения суммы налога на доходы физических лиц, удержанной и уплаченной налоговым агентом в соответствии с законодательством Российской Федерации, вплоть до его законодательного урегулирования.

Наконец, *четвертая задача исследования*, то есть рассмотрение признаков и некоторых спорных ситуаций относительно предмета хищения, потребовала как изучения физического (вещного, материального), экономического и юридического признаков, так и необходимости обоснования признания безналичных денежных средств, в том числе электронных денежных средств, предметом хищения, в том числе и с позиций гражданского права, поскольку правильное понимание правовой природы того или иного объекта гражданских прав позволяет более точно соотносить его с предметом хищения и с уголовно-правовой точки зрения в силу взаимосвязи различных отраслей российского права. Также, на основании анализа судебной практики была рассмотрена дискуссия о признании судами в качестве предмета хищения криптовалюты и был сделан вывод о положительной практике такого признания.

Таким образом, поставленная в курсовой работе цель представляется достигнутой, а задачи — решенными.

Список литературы

Действующие нормативные правовые акты:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями на 4 октября 2022 года) [Электронный ресурс] // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть 1) от 30 ноября 1994 года № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
4. Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // Собрание законодательства РФ. 2011. № 27. Ст. 3872.
5. Федеральный закон от 31 июля 2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31 (часть I). Ст. 5018.

Утратившие силу нормативные правовые акты:

6. Постановление ВЦИК от 01 июня 1922 года «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
7. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 года «О введении в действие Уголовного Кодекса РСФСР редакции 1926 года» (вместе с «Уголовным Кодексом РСФСР») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
8. Уголовный кодекс РСФСР (утв. ВС РСФСР 27 октября 1960 года) // Свод законов РСФСР. Т. 8. Ст. 497.
9. Федеральный закон от 01 июля 1994 года № 10-ФЗ «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР и Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР» // Собрание законодательства РФ. 04.07.1994. № 10. Ст. 1109.

Судебная практика

10. Постановление Конституционного Суда РФ от 10 декабря 2014 г. № 31-П «По делу о проверке конституционности частей шестой и седьмой статьи 115 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой закрытого акционерного общества «Глория» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2015. № 2.

11. Постановление Конституционного Суда РФ от 08 декабря 2022 г. № 53-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Тихоокеанского флотского военного суда» // Собрание законодательства РФ. 2022. № 51. Ст. 9343.

12. Постановление Конституционного Суда РФ от 12 января 2023 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова» // Собрание законодательства РФ. 2023. № 4. Ст. 697.

13. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. № 29 «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 2.

14. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 09 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 2.

15. Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 16 октября 2009 г. № 19 «О судебной практике по делам о злоупотреблении должностными полномочиями и о превышении должностных полномочий» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 12.

16. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 ноября 2017 г. № 48 «О судебной практике по делам о мошенничестве, присвоении и растрате» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 2.

17. Обзор судебной практики Верховного суда Российской Федерации № 2 (2022) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 12 октября 2022 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2022. № 11.

18. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 18 ноября 2021 г. №18-УД21-72-К4 // СПС «КонсультантПлюс».

19. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 06 июня 2023 г. по делу № 77-1296/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

20. Кассационное определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 21 декабря 2023 г. № 77-5316/2023 // СПС «КонсультантПлюс».

21. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 4 марта 2020 г. по делу № 22-106/2020. // СПС «КонсультантПлюс».

22. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 23 ноября 2020 г. по делу № 22-5295/2020. // СПС «КонсультантПлюс».

Научная литература:

23. Анисимов В. Ф. История законодательства России о преступлениях против собственности с признаками хищения // Вестник Югорского государственного университета. 2009. № 4(15). — С. 52-58.

24. Архипов А. В. Содержание терминов «изъятие» и «обращение» чужого имущества как элементов объективной стороны хищения // Вестник Томского государственного университета. 2019. № 446. С. 202-206.

25. Ахмедов Р. У. Оценочные признаки хищения и его форм в уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2013. — 27 с.

26. Безверхов А. Г. Безвозмездность как признак экономического преступления // Уголовное право. 2016. № 5. — С. 18-27.

27. Бизюков И. Л. Анализ развития уголовной ответственности за кражу в системе преступлений против собственности по отечественному уголовному праву // Вестник магистратуры. 2021. №7 (118). — С. 40-43.
28. Герасимова Е. В. Предмет хищения в российском уголовном праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2006. — 28 с.
29. Елисеев С. А. Преступления против собственности по уголовному законодательству России (историко-теоретическое исследование): автореф. дис. ... докт. юрид. наук. Томск, 1999. — 36 с.
30. Елисеев С. А. Дискуссионная трактовка вопросов квалификации мошенничества, присвоения и растраты в Постановлении Пленума Верховного Суда от 27 декабря 2007 г. // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского конгресса уголовного права, 29-30 мая 2008 г. М., 2008. — С. 225-226.
31. Квалификация преступлений против собственности: учебное пособие / под общ. ред. А. Н. Попова. Санкт-Петербург, 2018. — 220 с.
32. Коргулев А. Г. Предмет преступления в современном уголовном праве: понятие, признаки, вопросы квалификации и законодательной регламентации: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2021. — 220 с.
33. Насыбуллин Л. И. Проблемы определения понятия и признаков хищения чужого имущества в уголовном законодательстве Российской Федерации / Л. И. Насыбуллин, П. П. Пирогов // Sciences of Europe. 2021. № 84-2(84). — С. 15-21.
34. Севрюков А. П. Криминологическая и уголовно-правовая характеристика грабежей и разбоев, совершаемых с незаконным проникновением в жилище, и их предупреждение: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2000. — 198 с.
35. Смирнова С. Н. Безвозмездность как криминообразующий признак преступлений в сфере экономики: дисс. ... канд. юрид. наук. Москва, 2015. — 160 с.

36. Ушаков Р. М. Квалификация хищений, совершаемых с использованием информационных технологий: монография. // Москва: Юстицинформ, 2023. — 160 с.

37. Фок С. В. Формирование уголовного законодательства о хищении в российском государстве в период X-XIX веков // Вопросы российского и международного права. 2022. Том 12. № 8А. С. 374-380.

38. Хилjuta В. В. Корыстная цель в хищении: существуют ли пределы расширительного толкования? // Lex russica. 2020. Т. 73. № 4. — С. 93-102.

Иные источники:

39. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь — декабрь 2023 года. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации. — URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751/>